

В. А. Меркулова

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

1. Методика этимологического исследования многообразия и определяется конкретными задачами, которые ставит перед исследователем анализируемое слово. Этимологизация определенной группы лексики отличается от этимологизации другой группы методическими приемами, вытекающими из особенностей построения самой группы. Так, народные названия растений (послужившие материалом для данной работы) образуют сложную совокупность, определенным образом организованную. Особенность этой организации заключается в наслаждающихся друг на друга микрополях с небольшим количеством единиц в каждом поле¹. Отношения элементов внутри каждого поля различны, основаны на принципах равноправия, подчиненности или производности. Характер построения микрополей и выделение входящих в них единиц значительно отличается от принципов построения научной ботанической номенклатуры. Вся совокупность лексических единиц, входящих в одно микрополе в масштабах всех говоров одного языка, образует группу названий. Характерная черта каждой такой группы — повторяющиеся, устойчивые, типичные этимологические признаки для членов данной группы. Поэтому при этимологизации названия растения один из приемов проверки вероятности выдвигаемой гипотезы — соответствие избранного этимологического признака типичному признаку или признакам той группы, в которую входит данное название.

Особенности народных названий растений наглядно выявляются при сравнении их с научной ботанической номенклатурой. Терминологичность научной речи выражается в первую очередь в однозначности. Народные названия растений характеризуются разной степенью терминологичности. Если названия культурных растений отличаются подчас даже большей детализацией, чем научная номенклатура, то названиям дикорастущих свойственна большая обобщенность и неопределенность.

¹ Ср. анализ микрополей в статье Н. И. Толстого, открывающий новые возможности для этимологии: Н. И. Толстой. Из опытов типологии славянского словарного состава. — ВЯ 1963, № 1, стр. 29—45.

Выявление микрополей в названиях растений можно пояснить на примере. Единицы значения условно выражены при помощи научной латинской терминологии как наиболее точно соотносимой с реальными предметами. Пользуясь такими единицами, мы обнаружим, что в границах говоров русского языка слова *сит*, *ситá* значат *Juncus*, *Scirpus*, *Phragmites*, *Heleocharis*; *тростá*, *тростá* — *Phragmites*, *Turpha*, *Scirpus*; *рогóз*, *рогозá* — *Turpha*, *Scirpus*; *камýш* — *Juncus*, *Scirpus*, *Turpha* и т. д. Совокупность значений этих слов ограничена: *Turpha*, *Phragmites*, *Scirpus*, *Juncus*, *Heleocharis*. Эти значения образуют одно семантическое микрополе, которому в каждом конкретном говоре соответствует от одной до пяти лексем. К сожалению, современные лексикографические труды не содержат данных, которые давали бы возможность определить характер и отношение единиц конкретных микрополей для отдельных говоров. Единственное, что можно установить на основании печатных источников, это границы микрополя, совокупность составляющих его значений и список лексем, выражающих эти значения по всем говорам. Такой список образует группу имен, входящих в данное микрополе². Так, для описанного выше микрополя этот список состоит из следующих лексем: *сит* (*ситá*, *сítник*), *рогóз* (*рогозá*), *тростá* (*тростá*, *трость*, *тростник*), *пáлки* (*пáлочник*), *напáлочник*, *чернопáлочник*, *очерéт*, *веретéльник*, *камýш*, *чáкан*, *кугá*, *балáш*, *лещýк*, *пráстечки*, *кárжла*, *хáньга*. Для данной группы (исключая заимствования) характерна следующая семантическая модель: 'плести' → 'название растения'. Эта модель типична не только для одного говора, но для целой группы языков:

'плести, вить, гнуть'	'растения, употребляемые для плетения: <i>Juncus</i> , <i>Scirpus</i> , <i>Turpha</i> и др.'	'печто сплетенное'
и.-е. * <i>sei-</i> , * <i>si-</i> лит. <i>saistyti</i>	слав. * <i>sitъ</i> , * <i>sita</i>	лит. <i>saitas</i>
и.-е. * <i>kʷer-</i> др.-инд. <i>kṛṇátti</i> , <i>crtáti</i> лит. <i>regzti</i>	слав. * <i>čertъ</i> , * <i>obcertъ</i> лат. <i>restis</i> , англосакс. <i>resc</i>	слав. * <i>sito</i> , * <i>sidlo</i> , * <i>sětъ</i> др.-инд. <i>kátaḥ</i> греч. <i>χύρτος</i> , <i>χάρταλος</i> , <i>κυρτία</i> и др.
и.-е. * <i>ned-</i> , * <i>nod-</i>	слав. * <i>rozga</i> , * <i>rogozъ(?)</i> др.-инд. <i>nada-ḥ</i> , н.-перс. <i>nai</i> лит. <i>néndré</i>	лат. <i>restis</i>

² Пример того, насколько народная группировка по микрополям отличается от научной систематики, можно видеть в том, что названные растения с точки зрения ботаники принадлежат к разным семействам.

лат. <i>scirpare</i>	лат. <i>scirpus</i>
и.-е. * <i>sner-</i>	греч. νάρθηξ
Для микрополя Angelica silvestris, Angelica archangelica, Aegopodium podagraria, Heracleum sibiricum, Anthriscus silvestris, Pastinaca, Chaerophyllum bulbosum типична модель 'стебель, дудка' → 'название растения':	

'ствол, стебель, дудка'	'название расте- ния <i>Angelica</i> Нерас- леум и др.'
ствол	стволья
будыль	будылья
дудка	дудка, дудки
фин. <i>putki</i>	фин. <i>putki</i> ,
нем. <i>Stengel</i>	нем. <i>Stengel</i>
нем. <i>Tuten</i>	нем. <i>Tuten</i>

Выявление закономерностей в рамках группы, подтверждая не случайность, а типичность наименования, нередко служит проверкой правильности этимологии.

Примером такой проверки может служить анализ слова *жерұха*. Так называется несколько сходных и близкородственных растений в восточнославянских и западнославянских языках. В русском и украинском это название *Roripa*, *Lepidium* и *Cardamine*, в чешском и словацком — *Lepidium* и *Cardamine*, в польском — *Cardamine*; русск. *жерұха*, укр. *жеруха*, *режуха*, чеш. *řeřicha*, слвц. *žerucha*, *žerušica*, польск. *żerzucha*, и.-луж. *žeruš*, *žoruš*.

В южнославянских языках слово *жерұха* отсутствует, а растения эти называются *горұха*: болг. *горуха*, хорв. *gorušica*³. В большинстве этимологических словарей славянских языков слово *жерұха* не анализируется. Махек связывает это слово с чешским глаголом *žrati* 'разъедать'⁴, в «Варшавском словаре» делается предположение о связи слова *жерұха* с корнями *žer-* или *žeg-*⁵. Нам кажется правдоподобной мысль о связи слова *жерұха* с вариантом праславянского корня **gor- / žer-* 'гореть'. Такая степень корня с близкими значениями отражена в слове **žeravъjь* 'раскаленный, горячий', слвц. *žeravý* 'жгучий'⁶, словен. *žeravica* 'изжога'.

Для группы названий, в которую входит слово *жерұха*, типична следующая модель: 'горький, нечто горькое, жгучее' → 'название растения'.

³ RJA 10, стр. 296.

⁴ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 60—61.

⁵ Karłowicz—Kuński—Niedźwięcki V, стр. 820.

⁶ Isačenko II, стр. 815.

'горький, нечто горькое'	'название растения'
praslaw. *gor-	*goruxa
praslaw. *gor'kъjь	*gor'cisa
rusck. горький	горькүшник
rusck. свербеть	свербіга
ukr. перец	перечнича
ukr. хрін	хріниця
ukr. гірчиця	гірчак
польск. gorczyca	gorczycznik
польск. pieprz	pieprzyca

Предположение, что растение этой группы — *жерӯха* — называется горьким, жгучим (**gor*-/**žer*-), не противоречит общим соотношениям. Формально интересна вариантность корня при единстве модели **goruxa*, **žeruxa*, географически распределенная по славянским языкам следующим образом: восточнославянские и западнославянские языки — *жерӯха*, южнославянские — *горӯха*.

2. Не только знание типичной семантической модели рассматриваемой группы, но и знание характера построения семантического поля, в которое входит данная лексема, чрезвычайно важно для этимологического анализа. Определение места лексемы в этом поле — задача некоторых, иногда уже решенных, этимологий. Так, происхождение слова *пирей* установлено давно: оно восходит к старому индоевропейскому наименованию пшеницы — греч. πύρος, лит. *purai*. В старославянском языке слово *пиро* значило 'полба' (один из видов пшеницы — *Triticum spelta*), это же значение сохранилось в сербском и словенском языках: серб. *пир*, словен. *pîr*, *pîra*. В западнославянских и восточнославянских языках *пиреем* называют сорное растение (тоже один из видов пшеницы — *Triticum repens*). Однокоренные слова в древнепрусском и англосаксонском языках тоже выступают как названия сорняков: др.-прусск. *pire* 'костер', англосакс. *fyr* 'пирей'.

Этот странный на первый взгляд перенос названия имеет объяснение. Слово *пирей* из **ругъјь* по форме есть прилагательное, образованное с суффиксом -ъјь от существительного *пиро*, сохранившегося лишь в части языков. Ту же производность форм можно наблюдать и в западнославянских языках: польск. *perz* из **ругъ* или **ругъјь* с суффиксами прилагательных -ъ или -ъјь: аналогичное образование в чеш. *ryž*; брл. *пирник* — производное с суффиксом -ик от основы имени прилагательного. Таким образом, в восточнославянских и западнославянских языках мы имеем не основное, а производное слово, значение которого может быть сформулировано как 'пшеничный, хлебный'.

Принцип построения одного из семантических полей в группе названий злаков — отношение зависимости, производности между названиями культурных растений и названиями сорняков.

Ср. жито — житéц; рожь — ржанéц; овес — овсíк, овсíг, овсюгáн⁷. *Triticum repens* — это сорняк, сходный с пшеницей и засоряющий пшеничные поля. В представленной схеме он занимает место производного слова, тогда как название культурного растения отсутствует: ø — пырей. Процесс замены старых названий культурных растений другими можно проследить на судьбе слов жито, рожь, ячмень в славянских языках. Словообразовательная структура слова пырей и его место в схеме предполагают не перенос названия с культурного растения на сорное, а утрату в восточнославянских и западнославянских языках старого названия пшеницы или вида ее: *rygo.

3. Нередки случаи, когда возникает необходимость выяснить первичные признаки для данного понятия, при этом особенно любопытны типологические схождения. Народные названия растений можно подразделить на две части: одни из них устойчивы на обширной территории, имеют незначительное число синонимов или не имеют их вовсе (ср. такие слова, как *крапива*, *щавель*, *лебеда*, *хвощ*, *папороть*), другие, напротив, очень неустойчивы, имеют огромное количество синонимов (50—100). Именно для последних характерно наличие определенной семантической модели, которая постоянно воспроизводится во времени и пространстве. Ср. например, названия *Nuphar luteum* и *Nymphaea alba* в славянских языках, где постоянно повторяется модель: 'название сосуда' → 'название растения': русск. *кубышка*, *кубышки*, *кувшинцы*, *кувшинки*; блр. *горлачки*, *жбанки*; укр. *збанок*, *збаночки*, *глечики*. Или названия малыши с повторяющейся моделью: 'хлеб, печенье' → 'название растения'; ср. русск. *проскурка*, *проскурник*, *просвирки*, *просвирняк*, *калачики*, *пышечник*, *пышечка*, *пряничник*, *лепешник*, *плюшки*; чеш. *chlebík*, *chlebíček*, *recenek*, *ragačku*, *kolačíky*. Та же повторяемость наблюдается и в названиях многих лекарственных растений, где в основу наименования положены не характерные особенности формы, а лекарственные свойства растения, характер их воздействия на человека. Выяснение типичной семантической модели для такого рода наименований может дать ключ к возможному этимологическому решению.

Мне кажется, что этот прием может быть применен для анализа слова *rdest*. *Rdest* — это обобщающее название для различных видов *Potamogeton* и *Polygonum*: русск. *rdest* (по-видимому, заимствование из польского); укр. *deresen*, *deres*, *drjasen*; польск. *rdest*, *grdes*, *derdes*, *dredęsnik*; чеш. *rdesno*, *rdest*, *hrdesen*, *rdesen*, *dresnek*; серб. *hrdeselj*, *rdesen*, *rdesalj*, *dresan*, *dresen*, *dreslin*;

⁷ Даль III, 1684: *ржанец* — *Phleum pratense*, *Alopecurus*, *Festuca* и др.; II, стр. 1353: *житняк*, *житец* — *Bromus secalinus*; III, стр. 1647: *овсюк*, *овесец* — *Bromus secalinus*, *Avena pubescens*.

словен. *rdéselj*, *rdéšen*; в.-луж. *drost*, *drěst*; и.-луж. *drest*⁸. Вариантность форм слова многообразна и очевидна нерестановка начальных согласных. Фасмер восстанавливает как возможную праславянскую форму **rъdѣstъ*, предлагая, что русские и украинские примеры заимствованы изпольского⁹. В отношении последнего это малоправдоподобно, потому что украинские формы не совпадают спольскими. Далес Фасмер сближает **rъdѣstъ* с **rъděti*, **rъdja*. Можно предложить и другое объяснение. Фасмер, как и его предшественники (Миклошич, Мука, Брюкнер), происходит изформы **rděstъ* как основной, считая форму **drěstъ* вторичной. Махек, напротив, считает **rděstъ* производным от **drěstъ*, по последняя для него лишь этап эволюции из **nerstъ*¹⁰. Если не предполагать столь сложных преобразований слова, можно исходить из вариантов с начальным *d*, так как эти формы представлены шире пославянским языкам (ср. приведенные выше примеры). Мы вправе восстановить следующие праславянские формы: **dersъnъ*, **drēsъnъ*, **derstъ*, **drěstъ*, с позднейшей метатезой **drěstъ > *rděstъ*. Формы с *-n-*, возможно, как предполагает и Махек, по происхождению субстантивированное прилагательное из словосочетания **drěstъno bylъje*. Ср. аналогичные образования названий лекарственных растений от наименования болезни: *урок*—урочная трава; *ураз*—ураznая трава, *усов*—усбовая трава; *жаба*—жабная трава и др.

Новсеместное использование корня *Polygonum bistorta* L. в качестве лекарства отрасстройства желудка привело к образованию устойчиво повторяющихся названий этого растения поего употреблению: завéзный корень, завéзник, животный корень, жолуничный корень (изжелудничный), мутовое коренье (ср. мыт 'понос'), черéвная трава (черевуха 'понос'), червунник¹¹. Ср. еще сербские названия того же растения: *прдељ*, *желудњак*¹² и *дриставец*; кроме того, украинские *drestun*, *drystun* то же¹³. Формальные трудности, вызванные предположением об образовании от глагола **dristati* форм с иным вокализмом, могут быть сняты параллельными балтийскими образованиями. Ср. лит. *dergti*, *derkti* 'гадить' наряду с *drégti*, *drékti*¹⁴.

⁸ S. Makowiecki. *Słownik botaniczny łacińsko-małoruski*. Kraków, 1936, стр. 284, 286, 290; Д. Симонович. Ботанический словарь. Београд, 1959, стр. 369; V. Machek. Указ. соч., стр. 86.

⁹ Vasmeg II, стр. 499.

¹⁰ Machek, стр. 86.

¹¹ Н. Анищенко. Ботанический словарь. М., 1859, стр. 263—264; В. М. Миртов. Донской словарь. Ростов н/Д., 1929, стр. 381; Б. А. Моисеев. Словарный состав говора с. Саратовки Соль-Илецкого района Чкаловской обл. Канд. дисс., рукопись. М., 1955, стр. 64.

¹² Симонович. Указ. соч. стр. 369, 374.

¹³ Makowiecki. Указ. соч., стр. 284—285.

¹⁴ Рокоргун, стр. 256.

4. Не всегда знание закономерностей организации лексических групп слов или семантических полей, в которые входит слово, оказывается достаточным для его этимологии. Нередко возникает необходимость семантической реконструкции. Абсолютная семантическая реконструкция невозможна, но относительная реконструкция развития значений слова не только необходима, но и постоянно производится этимологами при сопоставлении с элементами других языков. Многочисленные случаи утраты первичных значений и сохранение лишь второстепенных производных без реконструкции этих первичных лишили бы этимолога доказательств с точки зрения семантики. Возможности такой реконструкции содержатся в анализе памятников, фиксирующих изменения значения слова, в анализе фразеологических сочетаний, значений родственных слов и сопоставлениях с элементами этимологически родственными в том же языке.

Небольшой иллюстрацией может служить этимология слова *сурéпка*. Сурепкой в говорах восточнославянских языков называют большое число сорных крестоцветных растений, внешне очень похожих друг на друга (это в первую очередь *Barbarea vulgaris* L., *Sinapis arvensis* L., *Raphanus raphanistrum* L., *Binnias orientalis* и др.). В пределах восточнославянских языков слово *сурепка* выступает в следующих вариантах: *сурéпа*, *сурéпка*, *сурéпица*, *свирéпа*, *свирéпка*, *свирéпица*. В польском языке *świerzop* м. р., *świerzopa* ж. р. имеют то же значение, что и названия выше восточнославянские формы. В чешском языке словом *svéčer* называют злостные сорняки, но не семейства крестоцветных, а семейства злаковых: *Bromus*, *Festuca* и др. Памятники старославянского языка сохраняют слово *скрёпница* тоже в значении 'сорняк': «Их же (плекем) различни видове: куколе, скрёпница, скн'ца» (Феоф. Толк. Ев.; Срезн. III, 270).

Реконструированное для ираслав. **sverērъ, -a* (с деминутивами *-čka*, *-ica*) 'название сорного растения' в формальном отношении естественно встает в зависимость от прилагательного **sverērъ, -a*, *-o*, являясь его субстантивированной формой. Памятники показывают, что слово **sverērъ* имело наряду с другими значениями и значение 'дикий, сорный'. Ср. у Срезневского пример из Жития Феодора: «Бѣ грыздище въміє скрѣпое и паміє коду морскю» (Срезн. III, 23), греч. *ἄγριαλαία* калькировалось на славянский словом *скрѣпомаснина* (Срезн. III, 271), то же значение сохранилось и в современном польск. *rzodkiew* *świerzopa* 'дикая редька'.

Таким образом, современные слова *свирéпка*, *свирéпица* сохраняют старое значение прилагательного *свирепый* 'дикорастущий, сорный' и значат, собственно, 'сорняк, дикарь'. Ср. сербское название сурепки — *дýчак*. Вариант слова *сурéпка*, *сурéпица* (только в русском) объясняется наличием в русских говорах формы *сурéпый* с тем же значением, что и *свирепый*.

Само слово *свирéпый* не имеет единой и ясной этимологии. Фортунатов и Миклошич сопоставляли его с лит. *šiurpti*, *šiurpstū* ‘содрогаться’¹⁵, Шмидт — с лит. *sarpālius* ‘драчливый петух’¹⁶. Младенов, более детально проведя анализ форм, связывает это славянское слово с большим числом балтийских и германских слов в значении ‘тяжелый’¹⁷. Фасмер воздерживается от признания какой-либо из названных этимологий¹⁸. Оригинальную гипотезу выдвигает Машек, анализируя слово *свирепый* как сложение **sve-* (вариант к **svojь*) и корня **rēp-* ‘хватать, цеплять’. Ср. лит. *aprēpti*, слав. *repéй*. Он справедливо опирается на первоначальное значение ‘дикорастущий’¹⁹; некоторое сомнение вызывает лишь придаваемое корню **rēp-* значение ‘укореняться, приживаться’.

Формальное членение слова сводится к следующему: **sver-ēp-*. Образование с этим суффиксом приводит Младенов: чеш. *skočera* ‘скорлупа’. Суффикс редкий и, возможно, экспрессивный. Ср. еще укр. *мазéпа* ‘грязнули’, *dурéна* ‘дуреха’²⁰. В Пермско-Вятской группе русских говоров в абсолютно том же значении слово *свирéпый* выступает с иной огласовкой корня — *су-рéпый*²¹. С той же степенью корня, но с иным суффиксальным оформлением мы находим слово в псковско-тверских говорах: *свирóящий* (значение то же)²². Суффикс *-уЩ* (*'уЩ*) как усиительный выступает в отношениях слов: *злой—злющий, большой—большущий*. Огласовка корня *сур-*, которая вряд ли случайна, позволяет искать родственные формы с этим корнем. Таково слово *суроный*, представленное во всех славянских языках (польск. *sirowy*, чеш. *surový*, п.-луж. *sirowy*, болг. *суров*, с.-хорв. *сúров*). Слова *суроный* и *свирепый*, близкие по значению в современных литературных языках, в памятниках выступают в совершенно идентичном значении — ‘дикий, жестокий, яростный’, они оба служат переводом греч. ἀγρίως. Например: *съмѣрти же лѹгѣн соурокано лъстцац прѣдалъ юстѧ* (Мин. 1093 г. 162; Срезн. III, 626).

Если возможно тождество слов *свирепый* и *суроный* со стороны формы (**sur-/*sver-*), то определенные связи должны быть и с родственным слову *суроный* словом *сырой*. Можно условно восстановить схему развития значений слов *суроный—сырой* в славянских языках:

¹⁵ Ph. Fortunatov. *Lithuanica*. — ВВ III, 1879, стр. 71; Миклошич, стр. 330.

¹⁶ I. Schmidt. *Zur Geschichte des indogermanisches Vokalismus*, Weimar, 1871—1875, стр. 67.

¹⁷ Младенов, стр. 572.

¹⁸ Васмег II, стр. 594.

¹⁹ Машек, стр. 488, 433.

²⁰ Гриценко I, стр. 456; II, стр. 396.

²¹ Даль IV, стр. 66.

²² Там же.

вянских языках и выявить их совпадение со значениями слова *свиредый*. Основным и первичным значением для первых двух было 'мокрый, влажный'. С этим значением слова **syrъ*, **syrovъ* выступают в восточнославянских, чешском, сербском и словенском языках. В том же значении слово **surovъ* отмечено в западнославянских и болгарском. В русском слово *суровый* утратило значение 'мокрый, влажный'; оно уцелело лишь в производных словах — названиях низин, болот: *суроток*²³ 'сырая мочевина', *сурочка* 'низина'²⁴. Второе значение слов **syrъ*, **syrovъ* — 'свежий, зеленый, незасохший', как антоним к *сухой* 'засохший'. Это значение отражено в памятниках старославянских и древнерусских и в южнославянских языках. Ср. Съшн²⁵ дрѣкеса и сукдаєт трак²⁶ соурокоу (о саранче) (Георг. Писид. Похв. Бог.); К сырѣт дрѣкеси²⁷. Ср. хорв. *sirovo granje*, *trava suha i sirova*²⁸; то же в сербском. В значении 'свежеть', 'цвести' употреблялся глагол *сюфти*: «Ср҃цо же кеселатијса лице сырћега» (Панд. Ант. XI в. о. 268)²⁹. Возможно, что то же значение — 'свежий, здоровый' — представлено и корнем **sver-*. *Свережий*, *сверюжий* — 'здоровый, видный'³⁰. Мне думается, что Фасмер ненправ, предполагая, что *сверёжий* это контаминация слов *твёрёзий* и *свежий*. Этому противоречат широта распространения слова (Арх., Вят., Влад., Иск., Твер., Сарат.) и необычность такой контаминации. В словах *сверёжий*, *сверюжий* выступают экспрессивные суффиксы *-ee*, *-уг* (*уг*), так же как и в слове *свиредый*, *свирибый*.

Третье значение для слов **syrъ*, **syrovъ* — 'необработанный, невыделанный, невареный' — представлено во всех славянских языках. Из значения 'необработанный' легко могло развиться значение 'дикорастущий, грубый'. Ср. русск. *суроевъ* *Filago arvensis* и целую группу названий растений, рассмотренных выше.

Здесь происходит изменение соотношений. Если вначале выступали последовательно две основы — **syr-* и **shrov-*, а основа **sver-* находилась на периферии и только перецликалась с ними, то теперь основа **syr-* останавливается в своем развитии, а основы **sver-* и **shrov-* сближаются и развивают несколько производных оценочных значений, внешне как бы ан-

²³ Даль IV, стр. 643 с пометой арх.

²⁴ Подысоцкий, стр. 168.

²⁵ Срезневский III, стр. 626, 877.

²⁶ Іуковіć — Вроз II, стр. 402.

²⁷ Срезневский III, стр. 877. — Может быть, в старых устойчивых словосочетаниях *сыр-бор* и *мать-сыра земля* прилагательное *сыр* несет именно это значение? *Сыр-бор* в значении 'зеленый бор, не засохший на корню', а земля *сырая*, т. е. 'свежая, зеленая, цветущая, не сухая, не бесплодная'. Торжественная ритуальность обращения к матери-земле противоречит современному значению слова *сырой*.

²⁸ Даль IV, стр. 56.

тонимичных, а на самом деле связанных²⁹. С одной стороны *сурбый*, *свирепый*, *сурепый* 'дикий, жестокий, яростный', а с другой — *сурбый*, *свирепый*, *свирющий* 'страстный, горячий, бойкий, шаловливый' (носр. русск. *диал. злой* 'усердный, страстный'; *лътый* 'проворный, резвый, охочий, склонный'³⁰). Первое значение характерно для всех славянских языков в оценке качеств не только человека, но и животного. Ср. польск. *świerzopa* 'необъезженная лошадь' и русск. *сурбый* 'бешеный, с норовом, с уросом (о лошади)'. Второе значение зафиксировано лишь в памятниках и широко в русских говорах: «*скрѣпое лѣши*» 'страстность' (Никон. Панд. сл. 30)³¹, русск. *диал. сурбый* 'шаловливый, резвый, бойкий', *сурбовиться* 'шалить' и *сверёжий*, *сверюжий* 'бойкий, резвый'³².

Отсутствие в славянских языках реконструированного для слова *свирапый* первичного значения 'мокрый, влажный' не должно лишать эту этимологию доказательности, точно так же как утрата в восточнославянских языках словом *суровый* значения 'влажный' не мешает нам считать его тесно связанным со словом *сырой*. Современные значения слов *суровый* и *свирапый* — оценочного характера, как бы давно они не возникли, вторичны и должны рассматриваться в качестве производных.

5. Как доказательство в этимологии постоянно используется аналогия как формальная, так и семантическая. С точки зрения семантики это аналогии устойчивых семантических переходов. Развитие семантически близких гнезд слов идет сходными, но не абсолютно идентичными путями, иначе это привело бы к тавтологии или к образованию большого числа абсолютных синонимов. Возможности дальнейшего развития заключены потенциально в семантике каждого слова, но эти возможности не всегда осуществляются.

В качестве примера можно привести несколько устойчивых связей значений, если брать за исходные значения 'сок'—'мочить'; 'сок'—'выжимать сок'; 'сок'—'сочный, мокрый', 'мочить'; 'мочить'—'квасить'; 'квасить'—'кислый'; 'кислый'—'тухлый'; 'тухлый'—'брзоговать'. Эти отношения могут осуществляться в рамках одного слова, в пределах целого гнезда слов и нескольких гнезд. Так, отношения 'сок'—'выжимать сок' ср. в связях русск. *сок*—*сочить* 'подрезать дерево, чтобы из него вытекала смола, сок'; серб. *кљук* 'виноградный сок'—*кљукати* 'выжимать сок'. Отношения 'мочить'—'тухнуть' ср. серб. *kišati se* 'испортиться, сгнить' (при *kiša* 'дождь'). Отправная точка семантического

²⁹ Пример аналогичного развития значений см. в лат. *crudus* 'сырой, невареный, необработанный' и 'грубый, суровый, строгий'.

³⁰ Опыт, стр. 70, 108.

³¹ Срезневский III, стр. 281.

³² Даль IV, стр. 641, 642.

развития может находиться в любом пункте. Для этимологии важно следующее: предполагая одно из значений, мы должны в качестве подтверждения найти хотя бы одно из связанных с ним значений. Предполагая для *x* значение 'сок', мы обязаны найти родственное ему слово со значениями или 'выжимать сок', или 'мокрый, сочный, мочить'. Семантический параллелизм — одно из существенных доказательств в этимологии.

Этимология слова *щавель* встречает формальные трудности главным образом потому, что приходится признать для славянских языков, наряду со словом **sokъ* 'сок из растений', вариант корня **sъk-* с тем же значением. Именно это обстоятельство удерживает Фасмера от признания неоднократно уже выдвигавшейся этимологии (Потебня, Брандт, Ильинский). Брандт строит следующую схему: **sъkъ* 'сок'; **sъčь* ед. ч., **sъči* мн. ч. 'кислый суп'; **sъčavъ* / **sъčāvъ* 'кислота, кислая жидкость, кислое растение'; **sъčāvъpъ* 'кислый'³³.

Для слова *щавель* мы находим параллельные образования: 'сок'—'выжимать сок'. Ср. чеш. *št'ava* 'сок' и укр. *щавити*, *чавити* 'жать, давить, выжимать сок'³⁴, русск. костр. *защавить* 'придавить'³⁵.

Со стороны формы известно, что сочетание *sъč-* в славянских языках упрощалось в *šč*, а затем в ряде языков в *č* или *č*. Именно этот процесс типичен для слов *щавель* и *щавить*. Ср. russk. диал. *чувель*³⁶ и вариант глагола *щавити*—*чавити*, *вычавити* 'выжать, выдавить'³⁷. Слова с этимологическим корнем **sok-* иногда дают сходную картину развития: **sočevica* > *čečevisca* > *čevica* (результаты ассимиляции и упрощения). В большинстве говоров *щавель* как общее название растения *Rumex L.* противопоставлено названию одного из видов этого растения — *конский щавель*. Ср. *щавель* и *конский*, *коневий*, *конюшинный щавель*; *кислица* (= *щавель*)—*кислица конлявья*. В вологодско-архангельских русских говорах во втором компоненте этой пары выступает название *конинный*, *кобылий* *сцец*, *счец*, *сеч*³⁸. Это слово может быть реконструировано как **sъčьсь*. Явление цоканья, по-видимому, задержало процесс ассимиляции *šč*. Название *щавеля* выступает в ином оформлении — **sъčьсь* как вариант **sъčāvъ*.

³³ Р. Брандт. Дополнительные замечания к рабочему Этимологического словаря Миклошича.—РФВ ХХIV, 1891, стр. 164.

³⁴ Гриценко IV, стр. 522, 442.

³⁵ Опыт, стр. 69.

³⁶ Е. М. Иссерлин. Говоры Пензенской области. Канд. дисс., рукопись. Л., 1945, стр. 162.

³⁷ Гриценко I, стр. 199.

³⁸ Г. Н. Потанин. Этнографические заметки на пути от г. Нижнекамска до г. Тотмы. — Ж. ст., год девятый, 1899; собственные наблюдения автора в говорах Виноградовского и Красноборского районов Архангельской области.

Если формальная сторона этимологии находит себе подтверждение в ряде примеров³⁹, то и со стороны развития значения данная этимология достаточно доказательна. Предполагая для слова *щавель* значение 'растение с кислым соком', мы находим подтверждение этому в значениях родственных слов: чеш. *št'ava*, слвц. *št'ava* 'сок', болг. *щава* 'кислота, жидкость для дубления', с.-хорв. *штава* то же, польск. *szczawa* 'углекислая вода'. Дополнительным аргументом в пользу именно такого развития значений служит и второе название *щавеля* — *кислица*, имеющее столь же широкое распространение в славянских языках. Ср. еще укр. *квасец* 'щавель'⁴⁰.

6. Лексика названий растений номинативна по своей природе и тесно связана с реальной действительностью. О чем бы ни шла речь — о типичной семантической модели для названий данного растения или целой группы, о положении единиц в микрополе, о типичных связях значения — все это отражение реальных свойств растений: их формы, цвета, вкуса, характера цветения, их употребления и т. д. Ез знания этих свойств нередко невозможно разумно построить этимологию названия. Приведу несколько примеров.

Географические границы слова *купурь* — русские говоры к югу и востоку от Москвы и говоры Поволжья⁴¹.

Слово выступает как название целого ряда растений семейства зонтичных, в первую очередь *Anthriscus silvestris* L.

Членение слова на морфемы может быть проведено следующим образом: *куп* — корень, *-урь* — суффикс (ср. *пупурь*, *волдурь*, *мизгурь* и др.). Идеентификация корня без обращения к реальным свойствам растения представляется затруднительной. В ряде говоров *Anthriscus silvestris* L. носит названия, характеризующие его как паучее растение. Ср. *всниючка*⁴², *воняюка*⁴³, «купур'й как марквá, а св'ёрху ван'учии»⁴⁴. Если предположить, что и в данном случае растение названо по этой

³⁹ Об отнотениях *соch/-щав*: О. Н. Трубачев. Несколько русских этимологий. — «Этимологические исследования по русскому языку» III. М., 1961, стр. 50.

⁴⁰ Грищенко И., стр. 230.

⁴¹ В. М. Миртов. Указ. соч., стр. 161; Б. А. Моисеев. Указ. соч., стр. 64; Ю. Т. Листрова. Говор с. Отского Дмитряшевского района Воронежской области. Канд. дисс., рукопись. Воронеж, 1953, стр. 35; М. П. Рожкова. Лексика говоров Романского района Ростовской области. Канд. дисс., рукопись. Л., 1954, стр. 34; Даль П., стр. 221; Н. Аниенков. Простонародные названия русских растений. М., 1856, стр. 17. Ср. еще у Есенина: «В терем темный, в лес зеленый, на шелковы кулыги...» (Сочиения, I, стр. 49).

⁴² Н. И. Аниенков. Ботанический словарь, стр. 40.

⁴³ В. Ф. Барашков. Русский говор северной части Карсовайского района Удмуртской АССР. Канд. дисс., рукопись. М., 1958, стр. 271.

⁴⁴ Б. А. Моисеев. Указ. соч., стр. 64.

особенности, то становится возможным сопоставление корня *kup-* с лит. *kvépēti* 'пахнуть', *kvapas* 'запах'.

Слова с корнем **k̥uer-*, **k̥ær-*, **k̥ir-* в значении 'запах, чад' довольно многочисленны в индоевропейских языках, но наиболее последовательно представлены в балтийских. Думается, что славянские языки, кроме общепризнанных *копоть*, *коптить*, тоже могут дать значительный материал. Ср. названия пахучих и медоносных растений: *копёр* 'укроп' (из **korgrъ*), *кипрей* (из **korgrъjь*)⁴⁵ и анализируемое в этой статье *купырь* (из **kirugъ* или **kirgrъ*). В корне последнего слова может быть и этимологическое *o*, так как мена *o>u* в предударном слоге характерна для ряда русских говоров (ср. *будыль* <*бодыль*). В таком случае современное слово *купырь* может продолжать **korugъ* или **korgrъ*⁴⁶.

Еще один пример непосредственной связи наименования с реальными свойствами растения — слово *чайна*. *Чайна* это научное литературное название одного из бобовых растений — *Lathyrus tuberosus*. Ни этимологические, ни толковые словари не сообщают сведений о происхождении этого слова. Известно, что при составлении научной терминологии ботаники широко пользовались диалектным и иноязычным материалом. В русских говорах слово *чайна* не отмечено, но оно известно на территории Украины, откуда, вероятно, и попало в русскую научную речь⁴⁷.

Особенность этого растения заключается в том, что оно имеет усики и, только цепляясь ими за другие растения и предметы, способно расти. Если предположить, что именно это свойство послужило основой наименования, то слово *чайна* можно связать с глаголом укр. *чіпти*, *чипати* 'цеплять'. Ср. russk. *чипаться* 'зацепляться'⁴⁸. В этом глаголе исконное *i* < *ѣ*, так что можно восстановить **čěrpa*, что на украинской почве могло дать только *чина* (с меной *i/u* по диалектам). Аргументом в пользу высказанной этимологии служит и русское народное название чины — *вязиль* от *вязаться* 'цепляться'⁴⁹.

⁴⁵ Ф. Славский считает слово *кипрей* производным от глагола *кипеть* 'буяно расти' (Славский II, стр. 169). Но глагол *кипеть*, судя по некоторым примерам, могзначить и 'пахнуть'. Ср. мұра балжыкъю *кипить* нам (Срезневский II, стр. 1418: Мин. 1096 г.). Мысль о возможности такого значения высказывал еще Погодин (РФВ XXXIII, 1895, стр. 330).

⁴⁶ Вариант суффикса *-ylъ*, *-ugъ*, может быть, вторичного и позднейшего происхождения из первоначальных *-lъ*, *-гъ* и отражает вокализацию сочетания согласного с плавным с позиционной долготой в ударном слоге. Если это так, то в словах *копёр*, *кипрей*, *купырь* — единое суффиксальное оформление при единстве производящего гнезда.

⁴⁷ Гринченко IV, стр. 462: *чайна* — *Lathyrus tuberosus*.

⁴⁸ Дополнение к Опыту, стр. 300.

⁴⁹ Н. И. Аиненков. Простонародные названия русских растений, стр. 53.

Значительную часть названий растений составляют слова, образованные путем метафорических переносов значений слова в результате омонимии. Это случаи, когда формальный анализ бессилен, а необходимо выяснение фольклорных, мифологических образов, легенд, элементов быта, стилистической, эмоциональной оценки предметов, животных, экспрессивной характеристики личных собственных имен. Ср., например, этимологии таких названий, как *иван-да-марья*, *материна душка*, *дедовник*, *волчье лыко*, *разрыв-трава*, *пан*, *бык*, *козлы*, *васюхи*, *иванчики*, *дуны*, *анютины глазки* и мн. др. Анализ этой лексики очень сложен, потому что в большинстве своем мотивировка названия давно забыта, легенды искашены, а форма слова не содержит в себе стимулов для поисков. Примером связи названия растения с условиями быта может служить вологодско-новгородское название осота — *дедсеник*. Г. Н. Потанин подробно описывает патриархальную организацию семьи, когда старик, глава семьи, не выделяя сыновей, единолично управляет большой семьей и хозяйством. Он приводит пример, когда 120-летний дед управлял семьей в 30 взрослых человек. «Такое деспотическое воспитание, — пишет далее Потанин, — оставило по себе память в народном названии растения *дедовник* *Cirsium*, которое своими колючками кровавит руки жнецов...»⁵⁰

Должна быть принята во внимание и та огромная роль экспрессивных суффиксов, какую они играют в народной речи. Разговорная речь по сравнению с письменной обладает значительно большей степенью эмоциональности. Суффиксы уменьшительности нередко выступают в роли словообразующих: ср. *лисички*, *иванчики*. Слово в говоре не обладает той устойчивой словообразовательной структурой, какая свойственна ему в литературном языке. Синонимика словообразовательных моделей, ее богатство, свобода в построении слов — одна из отличительнейших черт диалектного словообразования. Реконструируя слово в праславянском, мы должны неизбежно считаться с тем, что это был язык разговорный, т. е. обладавший теми же закономерностями, что и современные говоры. Вариантность словообразовательных моделей не всегда предполагает географическое распределение этих моделей, хотя и этот момент не исключен.

7. В связи с реконструкцией встает вопрос о географических границах слова. Степень распространенности слов различна, наряду со значительным общеславянским пластом каждый язык и каждый говор создают очень большой процент новообразований. Велико число слов узкоместных, локальных. Это соотношение в равной мере относится к разным эпохам. Поэтому при

⁵⁰ Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 171.

этимологизации слов, существование которых отделено от нашего времени несколькими столетиями, можно тоже говорить об узко-местных диалектизмах. Возможно, что именно так следует расценивать летописное *оушь*.

В Новгородской летописи есть фразы: «и ѧдѧху людь листъ липокъ... ини оушъ, мѣхъ, коминоу» (6636 г.); «иниже мѣхъ ѧдѧху, оушъ, сочи, кору липобу» (6738 г.). Летописные сведения о съедобных растениях ничтожны, тем более любопытно загадочное *оушь* Новгородской летописи. Из текста ясно, что это — название съедобного растения. Слово *оушь* уже подвергалось этимологизации. Г. А. Ильинский сопоставил его с литовским названием чертополоха *usnìs*⁵¹. Один из видов осота или чертополоха (*Cirsium oleraceum*) действительно съедобен. Лтш. *usna*, лит. *usnë* *Carduus*, *Cirsium*, вариант *us̄r̄i* прекрасно этимологизируются как производные от корня ‘жечь, колоть’ и имеют соответствия в слав. **užbъ*⁵².

Ф. П. Филин, приводя варианты этого текста из других летописей, где слово *оушь* заменено на *оужь*, *оужовои дягиль*, *реже стволь* (Новороссийский и Тверской списки летописи), считает слово *оушь* вариантом *оужь* с оглушением конечного согласного, а последнее субстантивированным прилагательным *оужовъ*, «раньше бывшее определением к общеславянскому *дягиль*»⁵³.

Мне представляется возможной третья гипотеза, отнюдь не снимающая правдоподобности первых двух. Судя по текстам летописей, слово *оушь* было новгородским диалектизмом, в других списках оно было заменено на свои, понятные термины. Современные русские говоры на территории расселения древних новгородцев имеют слова *ушёвник* *Menyanthes trifoliata* L.⁵⁴, *ушкоб то же*⁵⁵, *ушнайк то же*⁵⁶. Как область распространения термина, так и его значение очень четки. Нельзя ли предположить, что в говорах сохраняется старое новгородское название *Menyanthes trifoliata*, лишь осложненное вторичной суффиксацией? Интересна фраза из Вологодской летописи: «вахту юли и траву», где называется то же растение.

Со словообразовательной точки зрения мне кажется возможным произвести слово *оушь* от *оухо*. Ср. *брють от rot* и при-

⁵¹ Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — ИОРЯС 23, I, 1918, стр. 170, 171.

⁵² Väsmeg III, стр. 198; K. Mūlenbacha *Latviešu valodas vārdnīca* XXXVI. Riga, 1929, стр. 309.

⁵³ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи. Л., 1939, стр. 752.

⁵⁴ М. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. СПб., 1910, стр. 90.

⁵⁵ Н. Аронников. Ботанический словарь, стр. 215 (олонецкое).

⁵⁶ Куликовский, стр. 126.

лагательные этого типа в древнерусском: *оръль* от *оръль*, *говаждь* от *говадо* и т. д. Слово *ухо* в значении 'лист растения' и как элемент названия растения представлено очень широко. Ср. только чеш.: *ušica*, *babí ucho*, *babské ucho*, *psí ucho*, *sviní ucho*, *volí ucho*⁵⁷; польск. *uszycza*, *uszne liscie*⁵⁸; русск. *медвежье ухо* 'ландыш'⁵⁹, *заячий уши* 'ландыш' и, наконец, польск. *łanie uszko* как предполагаемый источник слова *ландыш*.

Что касается идентификации этого термина, то речь может идти только о двух растениях: *Menyanthes trifoliata* и *Calla palustris*, нередко носящих общее наименование. У того и другого растения съедобны корневища, может быть, поэтому они и не названы в тексте травою или былием.

⁵⁷ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin, стр. 218, 199, 83, 218, 219.

⁵⁸ Там же, стр. 262.

⁵⁹ Кулаковский, стр. 54.